
СООБЩЕНИЯ

УДК 82.03

П. Н. Толстогузов

«СМЕРТЬ ПОЭТА» ЛЕРМОНТОВА В КОНТЕКСТЕ НОВОГО ЗАВЕТА

При толковании выражения «сень закона» в знаменитом стихотворении Лермонтова «Смерть поэта» («Таитесь вы под сению закона») следует учитывать не только общий идиоматический смысл (закон как защита), но также библейский (новозаветный) смысл образа.

Ключевые слова: поэзия Лермонтова, «Смерть поэта», сень закона, библейский контекст.

Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..

[3, с. 86]

Это место в стихотворении Лермонтова «Смерть поэта», как правило, не вызывало особых вопросов. «Сень закона» понималась как «защита закона», что подтверждалось контекстными параллелями. Эрик Найдич, например, указывал на связь с пушкинским контекстом: «„Таитесь вы под сению закона“ — это переосмысление строк из оды «Вольность»: „Склонитесь первые главой под сень надежную закона“» [4, с. 102]. «Сень закона» выполняет здесь разные функции: у Пушкина она надежно защищает тех, кто признает высший авторитет закона, а у Лермонтова покрывает тех, кто творит беззаконие — это и есть «переосмысление», на которое обращает внимание исследователь. При этом сохраняется общий смысл закона-покровителя (ср. устойчивое выражение «прибегнуть к покровительству законов» [5, с. 66]).

Мы бы не стали настаивать только на пушкинской реминисценции: образ мог прийти и с другой стороны или с нескольких сторон сразу. Одна из этих сторон — Новый завет. Образ «сени закона» возникает в

Толстогузов Павел Николаевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии и журналистики (Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, Биробиджан); e-mail: pnt59@mail.ru

© Толстогузов П. Н., 2015

посланиях апостола Павла: к евреям и к колоссянам. В Послании к евреям сказано: «сень бо имый закон грядущих благ, а не самый образ вещей» (Евр. 10:1). В Послании к колоссянам: установления закона «суть стень грядущих» (Кол. 2:17).

Итак, «сень закона» в Новом завете осмыслена не как защита, а как нечто призрачное, имеющее характер контура, предварительного наброска. Этому соответствует одно из значений использованного апостолом греческого слова *skia* (тень), которое (значение) словарь Вейсмана, например, объясняет как «очертание» именно в связи с Новым заветом [1, стлб. 1137]. Здесь выражает себя известная коллизия закона и благодати, классически выраженная апостолом: «оправдывающие себя законом отпали от благодати» (Галатам, 5:4). Закон предстает как тень, а благодать как свет истины.

В лермонтовском стихотворении возникает близкая по смыслу коллизия «молчащего» земного суда и беспристрастного Божьего суда. «Тайтсья» под сенью закона в лермонтовском тексте означает, как мы полагаем, не только творить зло под защитой закона, но и принадлежать тени закона как соприродной для «таящихся» обстановке, в которой оправдание приходит от мертвой буквы, а не от дел. Так понятая «тень закона» могла ближайшим образом прийти в лермонтовское стихотворение именно из Нового Завета

Такое толкование поддерживается тем соображением, что «сень закона» у Лермонтова находится в довольно плотном окружении христологических и апокалиптических импликаций. К числу христологических импликаций относится, безусловно, «венец терновый» («И прежний сняв венок — они венец терновый, / Увитый лаврами, надели на него» [3, с. 85]). Столь же безусловно к числу таких импликаций относится «праведная кровь», возникающая в последних строках коды: «И вы не смоее всей вашей черной кровью / Поэта праведную кровь!» [3, с. 86]. Это прямая отсылка к Новому Завету: «яко да приидет на вы всяка кровь праведна, проливаемая на земли» (Матф. 23:35). Эти мотивы следует отнести к элементам неоклассики в ораторской лирике Лермонтова (настойтельность христологических мотивов в неоклассике и романтизме выражена целым рядом известных презентаций: от «Смерти Марата» Давида и голгофских мотивов Фридриха в живописи до «Гения христианства» Шатобриана, христианских медитаций Ламартина и поэмы Жерара де Нерваля «Христос в Гефсиманском саду» в литературе). К апокалиптическим импликациям относятся мотивы «разврата» и неумытного Божьего суда. Угроза высшего суда неоднократно возникает в Священном писании. Вот ее новозаветный пример: «суд им давно готов, и погибель их не дремлет» (2 Петра 2:3). Лермонтовские слова «есть грозный суд: он ждет» являются парафразой таких библейских мест. Также и «злословие» («Тогда напрасно вы прибегнете к злословью» [3, с. 86]) является грехом, неоднократно упоминающимся в Новом завете и стили-

стически отмеченным «новозаветностью» (ср., напр.: «Уста их полны злословия и горечи» — Рим. 3:14).

Кроме того, следует учитывать соединение темы «разврата» и «суда» («Но есть и Божий суд, наперсники разврата!» [3, с. 86]). Для библейского контекста — как ветхозаветного, так и новозаветного — это прежде всего эпизод Содома. Светскому читателю 1837 года аллюзия была понятна по обсуждавшемуся — то глухо, то внятно — в тогдашнем петербургском обществе слуху о содомском оттенке отношений Геккерна и Дантеса (см., напр., вот этот известный источник: [2, с. 389]). Так адрес приобретал предельную четкость, не теряя силы обобщения и силы священного гнева.

Итак, с учетом библейских смыслов становится более ясной характеристика «закона»: это не только средство защиты, но и формализованная практика поведения и регулирования жизни, лишённая благодати (в богословской трактовке) и «правды» (в трактовке Лермонтова).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. СПб.: Изд-е автора, 1899. 1370 стлб.
2. Карамзина Е. А., Карамзина С. Н., Карамзин А. Н. Из писем 1836–1837 года // Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 2. СПб.: Академический проект, 1998. С. 356–394.
3. Лермонтов М. Ю. Сочинения. В 6 т. Т. 2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 386 с.
4. Найдич Э. Этюды о Лермонтове. СПб.: Худож. лит., 1994. 254 с.
5. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1978. 543 с.

* * *

Tolstoguzov Pavel N.

LERMONTOV'S «DEATH OF THE POET» IN THE CONTEXT OF THE NEW TESTAMENT
(Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan)

While interpreting the expression «shadow of the law» in the well-known Lermontov's poem «Death of the Poet» it is necessary to consider not only the general idiomatic sense (law as protection), but also biblical (from New Testament) sense of the image. Taking into account the biblical meanings the characteristic of «the law» is becoming more clear: it is not only a means of protection, but also formalized practice of behavior and life regulation deprived of God's grace (in theological treatment) and «the truth» (in Lermontov's interpretation).

Keywords: Lermontov's poetry, «Death of the Poet», shade of the law, biblical context.

REFERENCES

1. Veysman A. D. *Greek-Russian Dictionary*. SPb.: author edition, 1899. 1370 col.
2. Karamzina E. A., Karamzina S. N., Karamzin A. N. From letters 1836–1837 goda // *Pushkin in memoirs of contemporaries*. In 2 vol. Vol. 2. SPb.: Akademicheskiiy proekt, 1998. 356–394 pp.
3. Lermontov M. Yu. *Works*. In 6 vol. Vol. 2. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1954. 386 p.
4. *Naydich E. Essays on Lermontov*. SPb.: Hudozh. lit., 1994. 254 p.
5. *Pushkin A. S. Complete Works*. In 10 vol. Vol. 7. L.: Nauka, 1978. 543 p.

* * *